

УДК 82.09

ТОЖДЕСТВО, ФОРМА, МЕТОД В ТВОРЧЕСТВЕ ГЁТЕ

© 2008 г.

И.П. Солодовник

Белгородский госуниверситет

solodovnik@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 14.05.2008

Рассматриваются тождество, форма, метод, их отражение в художественном творчестве Гете: с одной стороны, как философских идей, определяющих мировоззренческую, а именно пантеистическую, ориентацию содержания его произведений, с другой стороны, как феноменов, объектов описания (изображения), своего рода действующих лиц. Особенно характерен феномен формы, который приобретает смысл, участвующий в художественном творчестве, его изображение становится фактом содержания.

Ключевые слова: тождество, форма, метод, первофеномен, созерцательная способность, очевидность, абстракция отождествления, пантеизм.

Будучи великим поэтом, писателем, драматургом, литературным критиком, а также художником, мастером гениальных афоризмов, сентенций, наконец, артистом, общественным деятелем, Гёте, кроме того, большое внимание уделял исследованиям в области естественных наук: ботаники, анатомии, геологии, физики. Ему принадлежат известные открытия в этих науках. Он сам очень серьёзно относился к занятиям естественными науками. У него есть и философские работы, а его художественные, научные, публицистические произведения настолько богаты фундаментальными философскими идеями, что, хотя Гёте сам не считал себя философом, классики немецкой философии: Фихте, Шеллинг, Гегель – видели его своим идейным наставником, а себя – «философскими глашатаями его мировоззрения» (Р. Штайнер). Р. Штайнер говорил, например, что измерять уровень воззрений современного человека следует отношением к мировоззрению Гёте [1, с. 69]. Понимание Гёте многих философских проблем, понятий, категорий актуально и для современной научной методологии. Таковы, в частности, проблемы тождества, метода и особенно категория формы как сами по себе, так и в их взаимодействии.

Немецкие классики продолжали традиции античности, где пафос искусства преобладал над этическим, в искусстве немецкие классики видели органон философии [2, с. 416]. Так, если «Критику чистого разума» Канта Гёте хотя и приветствовал, но встретил сдержанно (Der Eingang war es, der mir gefiel, ins Labyrinth selbst kommt? ich mich nicht wagen...), то «Критику способности суждения» встретил он с восторгом (... dieser bin ich hochst frohe Lebenspoche

schuldig) [3, с. 27]. Его радовало, что поэтическое искусство и сравнительное естествознание близки и родственны и подчиняются одним и тем же закономерностям, он видел в них момент тождества [3, с. 27–28].

Гёте, как известно, был сторонником учения Спинозы о тождестве субъекта и объекта, внешнего и внутреннего, сущности и явления. Идея соединения рационального и иррационального, как и в целом его пантеистические воззрения, также сформировались под влиянием философии Спинозы («спинозистский платонизм» Гёте, по выражению А. Ф. Лосева). Это соединение образует пафос его учения о первофеноменах, его понимания формы, его философии. Тождество пронизывает все пантеистически ориентированные произведения Гёте. В стихотворении «Одно и Всё» («Eins und Alles») и «Завет» («Vermachtnis») мотив слияния переходит в идею всеобщей связи явлений:

Im Grenzenlosen sich zu finden
Wird gern der Einzelne verschwinden:
Da lost sich aller Uberdruss.

Dann ist Vergangenheit beständig
Das Künftige voraus lebendig,
Der Augenblick ist Ewigkeit.

✂

В безбрежном мире раствориться,
С самим собой навеки слиться
В ущерб не будет никому.

В ничто прошедшее не канет,
Грядущее досрочно манит
И вечностью заполнен миг.

Перевод Н. Вильмонта

Другой аспект этой проблемы – слияние теории и опыта (феномена) в деятельности. Гёте говорит вначале об их противостоянии, затем указывает на возможности их соединения. Самое высокое и самое обыденное, считает Гёте, это когда идея и явление сходятся вместе, причем «самое высокое – это созерцание различного как тождественного. Самое обыденное – деяние, активное объединение разделенного в одно тождество» [4, с. 323, 352].

Современные философы отмечают связь тождества и различия (самотождественное различие) с диалектикой соотношения целого и части, указывают на тождество как фундаментальный принцип формообразования. [5, с. 574].

Понятие формы у Гёте включает (наряду с конкретными значениями ее дефиниции) другие компоненты, связанные с мировоззренческими установками, философскими, эстетическими принципами автора, отражает философию его жизни и творчества. Форма у Гёте – стекло, преломляющее лучи природы, пишет К. А. Свасьян, но «форма должна быть совершенной, чтобы мы могли ясновидеть, а не шуриться в подслеповатых усилиях мысли» [6, с. 187]. Эти мысли продолжают рассуждения о всепроникающем характере формы (Форма – сплошное «сквозь») [6, с. 187]. Это, во-первых, связано со стремлением Гёте к универсальной форме, которая бы отражала богатство и разнообразие действительности (например, форма стиха «Фауста»), во-вторых, это связано с движением форм, воплощенном в тождестве первофеномена. К идее движения, деятельности как динамического единства духа и материи, гениально воплощенного в «Фаусте» и в других сочинениях Гёте, обращались многие ученые для обоснования своих философских концепций. В-третьих, ясность, очевидность – это качества, объединяющие тождество и форму. О ясности предложений тождества, тождестве как признаке очевидности писали Декарт, Лейбниц, Кант и особенно Кондильяк. Декарт вводит понятие очевидности знания. Э.Б. де Кондильяк связывает понятие очевидности с тождеством, рассматривает тождество как признак очевидности разума: «...предложение, очевидное само по себе, – это предложение, тождественность которого усматривается непосредственно в выражающих его словах; ... тождество ... – единственный признак очевидности» [7, с. 10]. Поиск ясности, прояснение смысла слов и предложений языка были лозунгом и основной задачей неопозитивистов, представителей аналитической философии, придававших большое значение категории тождества. Современные философы рассматривают форму как то, что очевид-

но, тождественно себе: «Лишь форма очевидна, лишь форма имеет смысл или является сущностью, лишь форма преподносится как таковая» [8, с. 140].

Поиск формы проходит через всё художественное, публицистическое, научное творчество Гёте. Излишне говорить, что форма у Гёте не есть нечто застывшее, просто оболочка, внешность, более того, это даже не только его «Чеканная форма, которая, живя, развивается» («Прагмаголы») – «Geprägte Form, die lebend sich entwickelt» («Urworte»), которую он так прославлял, не только форма-становление (Gestaltanahmen); это «его собственная жизнь произвольно выливалась у него в художественную форму», а историческое в созданных им образах «становится простой формой» [9, с. 60]. Впрочем, все аспекты и свойства формы нашли отражение в его творчестве.

Как философская категория, определенная система взглядов на мир, жизнь, органическое целое форма у Гёте соотносится с аналогичными понятиями учения Платона («интеллигбельное прекрасное»), кантовской способностью суждения, о чем писал и сам Гёте, и интерпретаторы его творчества, не говоря уже о системах Платона, Аристотеля (идея – эйдос – форма). Платоновская идея становится общим понятием в естествознании, у Гёте – образом (Gestalt) [10, с. 540], у Платона, по выражению Г. Флоровского, идеи «не абстракции, не родовые понятия, а конкретные смысловые лики вещей, «смысловые изваяния» [2, с. 414]. Этот образ внутренней формы («внутреннего художника») [11, с. 98] идет, таким образом, от Платона, разрабатывается Кантом как универсальная теория познания (трансцендентальное единство апперцепции, трансцендентальные схемы). Сам Гёте говорил, что он видит идеи [12, с. 60]; ср. также «внутреннюю форму» языка Гумбольдта, концептуальные схемы в современной когнитивистике.

Отметим особо, что Гёте специально занимался исследованием формы, рассматривал соотношение формы и содержания, закон формы и др., особенно в работах по естествознанию, литературоведению, эстетике.

Понятие формы используется в своей же «форме» как план, структура, программа. Так, в «Паралипоменах» находим образец такого «планирования» «Фауста»:

«Schema zur gesamten Dichtung»
Streit zwischen Form und Formlosen.
Vorzug dem formlosen Gehalt
Vor der leeren Form.
Gehalt bringt die Form mit;
Form ist nie ohne Gehalt.

∞

«План всего сочинения»
Спор между формой и бесформенным.
Преимущество бесформенного содержания.
Перед пустой формой.
Содержание всегда имеет форму;
Форма никогда не бывает без содержания.

Здесь дана развернутая дефиниция и современная концепция формы, положения которой не только реализуются, но и как бы формулируются поэтическим языком, «поэтической формой»:

Danke, dass die Gunst der Musen
Unvergänglich verhei?t:
Den Gehalt in deinem Busen
Und die Form in deinem Geist.

(Dauer im Wechsel)

∞

Только муз благоволенье
Прочной ласкою дарит:
В сердце – трепет вдохновенья,
В духе форму сохранит.

Перевод Н. Вильмонта

∞

Застывает бег явлений,
Слиться с вечностью спеша,
Если форму дарит гений,
Содержание – душа.

Перевод Б. Заходера

Другой стороной этого преднамеренного использования понятия формы является его употребление непосредственно в процессе творчества как объекта описания или даже «действующего лица».

Живая, развивающаяся форма очень разнообразна. Это не только философская, лингвистическая форма, это прежде всего поэтическая форма, лиричная, чувственная, ласковая, нежная:

Und belehr ich mich nicht, indem ich des lieblichen Busens
Formen spahe, die Hand leite die Huften hinab?

(Romische Elegien)

∞

Впрочем, рукою скользя вдоль бедра
иль исследуя форму
Этих прекрасных грудей, разве же я не учусь?

Перевод А. В. Михайлова

In tausend Formen magst du dich verstecken,
Doch, Allerliebste, gleich erkenn' ich dich.
(«In tausend Formen...»)

∞

В тысяче форм ты можешь притаиться,
Я, Вселюбимая, прозрю тебя, ...

Перевод С. Шервинского

... die zartesten Formen...
Zwiefach streben sie vor,
sich zu vereinen bestimmt.

(Die Metamorphose der Pflanzen)

∞

Нежнейшие формы
Сияются парно расти.

Перевод Д. Бродского

Форма может быть твердой, новой и ... мертвой:

Und schreibt dem Stein in allen seinen
Gruften
Die festen Formen vor.

(Weltseele)

∞

И камню вы, в его проникнув недра,
Даете твердость форм.

Перевод С. Соловьева

Selbst der Geist erscheint sich
nicht erfreulich.
Jener toten Form ein Ende macht.

(Zugemessne Rhythmen)

∞

Радости они не обещают,
Разве только новых форм творец
Мертвым формам сам кладет конец.

Перевод В. Левика

А далее другие характеристики: Allgegenwartige, Allschongewachsene, Allschmeichelhafte, Allspielende и т.д.

Большое разнообразие форм чаще передается её синонимами, дериватами: Kleid, Gewand, Hulle, Maske, Schale, Gefa?, Scho?, Gestalt, formen, gestalten и др.

Это также особый – лексико-стилистический – аспект употребления понятия формы. При непрямом употреблении этого понятия на передний план выступает его экспрессивно-образное значение:

Rein verkorpert Liebesklarheit
Im Gewand der Poesie.

(Suleika)

∞

Не любви ли чудотворство
В ритмах сладостных живет.

Перевод В. Левика

Hier sitz' ich,
Forme Menschen
Nach meinem Bilde.

(Prometheus)

∞

Вот я – гляди! Я создаю людей,
Леплю их
По своему подобию.

Перевод В. Левика

Примеры можно продолжать. Любое завершение относительно. Если понятие (как форма) обобщает признаки объекта, то слово (обозначение, форма) не только обобщает содержание понятия, но и запечатлевает образ самой формы, особенно если это высокохудожественные, афористически заостренные строки (строфы), какими являются многие произведения Гёте.

Важным аспектом его философии является метод. Основной задачей познания для Гёте было постижение органического целого. Словами Мефистофеля он иронизирует над теми, кто не видит органической связи явлений:

Wer will was Lebendigs erkennen
und beschreiben,
Sucht erst den Geist herauszutreiben,
Dann hat er alle Teile in seiner Hand,
Fehlt leider! nur das geistige Band.

(Faust)

∞

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездуть,
Забыв, что если в них разрушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

Перевод Б. Пастернака

Метод Гёте заключается в том, чтобы наблюдать (созерцать) природу, оставаясь частью её, не подступая к ней с готовыми априорными формами, понятиями, «не предписывать закон, а стремиться создать условия, при которых само явление смогло бы подыскать себе в рассудке соответствующее понятие и выразиться через него» [12, с. 125]. Метод Гёте не выходит за пределы явлений, в этом его эмпиризм [12, с. 118]. Ф. Шиллер назвал его рациональным эмпиризмом.

Гёте понимал, что для постижения единства органического целого механистические методы изучения строения неживой природы недостаточны, рассудочного мышления не хватает, необходимо нечто большее, чем простое восприятие. Это особое восприятие (узрение) Гёте назвал «созерцательной способностью суждения» по аналогии с кантовской способностью суждения [13, с. 17]. Согласно его учению о первофеномене созерцательная способность суждения помогает увидеть в единичном всеобщее, в явлениях раскрыть сущность.

В соответствии с этим принципом познания, принципом прафеномена, в котором усматривается и интегрирующий формативный принцип (а прафеномен можно рассматривать как результат объединения идеального и эмпирического (рациональный эмпиризм) [14, с. 87], Гёте через единичное видел общее, а в общем усмат-

ривал единичное. А это возможно благодаря тождеству, поскольку «прафеномен идентичен со всеми своими проявлениями, так как в каждом из них он находит конкретное индивидуальное выражение» [14, с. 87].

Здесь особенно очевидно проявляется генеративная функция тождества как принципа, как мыслительного инструментария для использования других категорий, который, как уже было сказано выше, делает их целым: “In jedem lebendigen Wesen sind das, was wir Teile nennen, dergestalt unzertrennlich vom Ganzen, dass sie nur in und mit demselben begriffen werden können, ... [3, с. 8]. Особенное как результат слияния всеобщего и единичного даёт своеобразие типического.

Ср.: Was ist das Allgemeine?
Der einzelne Fall.
Was ist das Besondere?
Millionen Falle.

[15, с. 453]

Гёте не останавливается на простом (метафизическом) обобщении, абстракции отождествления. Он «корректирует» метафизический процесс обобщения. Как отмечают (ссылаясь на слова Гёте) неокантианцы, метафизическое обобщение как метод познания обезличивает сущность, живое конкретное содержание. Содержательные признаки унифицируются, принимают характер «мертвящей всеобщности» (Г. Риккерт). Гёте не возражал против этих методов, но считал результаты исследований на их основе неокончательными. Обобщение (как метод познания) должно происходить так, чтобы сами обобщаемые элементы созерцались синтетически. Обобщению подвергаются сами элементы (признаки), а не представляющие их понятия или числа. [16, с. 90, 91]. Эту же особенность «созерцательной способности суждения» Г. Риккерт толкует как требование Гёте познавать вещь (особенное) не через абстракции, а на основе выбора тех признаков, которые включают в себя культурные ценности, «имеют значение для культурного развития, и в чем заключается историческая индивидуальность в отличие от простой разнородности» [16, с. 91]. В частности, как отмечает далее Г. Риккерт, Г. Пауль придавал большое значение этому методу и положил основные его принципы в основу своей науки, прежде всего известной его истории языка.

Эти особенности метода Гёте перекликаются с требованиями современного когнитивного прототипического метода в языкознании: прототип выбирается не на основе генерализации,

сопровождающейся обезличиванием признаков, свойств объектов, а на основе их естественных типических (типичных) свойств, на основе установления «типичного» представителя класса [17, с. 140–145]. Этот «компромисс» созвучен попыткам примирить кантовский трансцендентализм, классическую парадигму мышления, научный метод с современной герменевтической философией.

Несмотря на постмодернистскую критику трансцендентализма, центризма, теории тождества, интерес к рационалистическим идеям Канта, Гегеля, методу Гёте в последнее время возрастает. Современная когнитивная парадигма мышления в поисках фундаментального организующего начала возвращается к принципам трансцендентальности, играющим важную роль в формировании современной научной методологии.

Список литературы

1. Свасьян К.А. Иоганн Вольфганг Гёте. М.: Мысль, 1989. 192 с.
2. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: АГРАФ, 1998. 432 с.
3. Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. München: Verlag C.H. Beck, 2002. Bd. 13. 666 S.
4. Гёте Й.В. Избранные философские произведения. М., 1964. 390 с.
5. Лосев А. Ф. Форма, стиль, выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
6. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 226 с.
7. Кондильяк Э.Б. де. Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1983. 390 с.
8. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
9. Виндельбанд В. Философия XIX века. Философия Гёте // Фауст и Заратустра. СПб.: Азбука, 2001. 320 с.
10. Weizsacker C. F. v. Einige Begriffe aus Goethes Naturwissenschaft // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. München: Verlag C.H. Beck, 2002. Bd. 13. 666 s.
11. Шпет Г. Г. Психология социального бытия. Москва-Воронеж: Институт практической психологии, 1996. 496 с.
12. Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гёте. М.: evidentis, 2001. 222 с.
13. Гулыга А.В. Эстетика Канта // Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 368 с.
14. Шварцкопф Ф. Метаморфоза Данного. М.: ИдеяПресс, 2000. Гёте Й.В. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1975. 200 с.
15. Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. München: Verlag C.H. Beck, 1994. Bd. 12. 806 s.
16. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 410 с.
17. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Философского факультета МГУ, 1996. 245 с.

IDENTITY, FORM, AND METHOD IN GOETHE'S OEUVERE

I.P. Solodovnik

Identity, form, method, and their reflection in Goethe's oeuvre are considered. These are reflected, on the one hand, as philosophical ideas that determine pantheistic orientation of his works' content, and, on the other hand, as phenomena, objects of description (images), or some sort of characters. Especially distinctive is the phenomenon of the form which acquires the sense that takes part in artistic endeavour; thus, its image becomes the fact of the contents.